

Д. В. РИВМАН,

доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ЛИЧНОСТЬ И СИТУАЦИЯ В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В криминологии выработаны и рассматриваются различные определения преступности. Наиболее “возрастное” из остающихся до сих пор в научном обороте — определение преступности как совокупности всех преступлений, совершаемых в данном регионе в данный период времени. Но криминология не останавливается на изучении преступности как относительно самостоятельного явления и обращается к изучению ее социальной обусловленности. Это, в частности, объясняет и то, что все большее количество криминологов определяют преступность “уже не как простую совокупность преступных деяний, а как социальное явление, выражающееся во всем множестве совершенных преступлений”. Преступность как статистическая совокупность обладает своими специфическими суммативными качествами: массовостью, иррегулярностью, устойчивостью. Таких качеств нет и не может быть у отдельного преступления. Соответственно и у преступности (явления массового), и у отдельного преступления свои сущностные качества. И у преступности, и у преступления есть своя детерминационная специфика. В настоящей статье речь идет о детерминации (от латинского *determinare* “обуславливать”, “определять”) отдельного преступления. Предварительно, однако, надо определиться относительно таких понятий, как причина, условие, связь, взаимодействие, которыми нам предстоит оперировать.

Причина — это явление, порождающее, производящее другое явление — следствие. Причинная связь — связь генетическая.

“Условиями явления в отличие от его причины называется комплекс явлений, которые сами не могут породить непосредственно данное явление-следствие, но сопутствуя причине в пространстве и времени и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, необходимое для возникновения следствия”.

Под детерминацией понимается любая закономерная зависимость между различными процессами и явлениями. “Она охватывает связь состояний и некоторые виды функциональной связи...”. Но именно “причинность есть внутреннее содержание детерминации, ее сущность, по своей природе причинная связь является генетической, поскольку причина вызывает, производит следствие”. Вместе с тем, далеко не все детерминанты могут быть отнесены к причинам (в нашем случае — к причинам преступления).

Преступление как следствие — конечный результат действий конкретного субъекта — нельзя объяснить, ориентируясь только на обстоятельства, непосредственно предшествующие ему. Здесь всегда реализуется сложный комплекс субъективных (личностных) и объективных (ситуативных) взаимодействующих факторов, имеющих различный характер, более или менее отдаленных от пре-

ступления во времени, связанных с ним непосредственно или опосредованно. Другими словами, чтобы объяснить “происхождение” преступления, необходимо исследовать не только непосредственные его причины и условия, но и причины и условия второго порядка, так сказать, “причины и условия непосредственных причин и непосредственных условий”.

Необходимость различать причины преступления и условия, способствующие его совершению, признается практически всеми отечественными криминологами, однако единого подхода к содержанию этих категорий, к тому, что следует относить к причинам, а что к условиям в криминологической теории, пока нет. Так, ряд криминологов полагает, что непосредственными причинами преступлений являются негативные социально-психологические качества личности, но не ситуация, предшествующая преступлению. Например, А. Р. Ратинов считает, что “непосредственные причины и истоки виновного поведения преступников всегда лежат в личности человека, совершившего преступление”. Последовательно отстаивает эту точку зрения Н. Ф. Кузнецова, полагающая, что причины конкретных преступлений — “это социально-негативные, криминогенные элементы мелкобуржуазного индивидуализма, рудиментарно сохранившиеся в индивидуальном и групповом сознании”. На аналогичных позициях стоят Ю. М. Антонян, Б. В. Волженкин, Н. А. Стручков.

Сторонники иной точки зрения исходят из того, что ситуация может быть непосредственной причиной преступления, если налицо сильное влияние конкретной жизненной ситуации при отсутствии антиобщественной установки, но не социально-психологических аномалий вообще, или когда взаимодействуют более или менее развитые антиобщественные качества личности и более или менее напряженная ситуация, причем в этом взаимодействии главную роль играет ситуация. При совершении преступления лицом, имеющим глубокую и устойчивую антиобщественную установку, при отсутствии давления внешней ситуации, она, естественно, причиной преступления не является. Расхождения, как видим, касаются оценки детерминирующего значения ситуации, предшествующей преступлению.

Какие же аргументы можно привести в пользу признания ситуации непосредственной причиной (а точнее — одной из причин) конкретного преступления? Однозначный ответ здесь вряд ли возможен, если учесть, что “всякая причина является в определенном отношении условием, а всякое условие в другом отношении может быть причиной”. Ситуация — не исключение: она может быть и непосредственной причиной преступления, и условием, способствующим его совершению. Это зависит от конкретных обстоятельств, иногда решающим образом изменяющих ее детерминационное значение.

Вместе с тем, ситуация не является единственной причиной преступления, хотя во взаимодействии с качествами личности ее роль иногда решающая. Для того, чтобы выявить объективное значение ситуации в системе детерминант преступления, необходимо вникнуть в суть составляющих ее обстоятельств, определить, в какой мере она оказала давление на преступника. В противном случае за причину преступления можно ошибочно принять ситуацию, послужившую поводом к совершению преступления, но в действительности не содержащую никаких объективно толковых элементов. Такая ситуация не связана с преступлением генетически, не порождает его, а лишь более или менее значимо “накладывается” на уже сформировавшуюся преступную предуготованность субъекта.

Отнести ситуацию к непосредственным причинам преступления, следовательно, можно лишь тогда, когда установлено, что давление на субъекта, не имеющего глубокой и устойчивой антиобщественной установки, решающим образом, объективно побудило его совершить преступление. Такова же роль ситуации, когда она, как элемент взаимодействия с негативными качествами личности, несет, как минимум, паритетную с ними “побудительную” нагрузку. Но причинное проявление ситуации этим не ограничивается, она не только “подвигает” субъекта к действию, но в большей или меньшей степени психологически изменяет его самого.

В качестве аргумента против признания ситуации непосредственной причиной преступления приводится то очевидное обстоятельство, что в аналогичной ситуации один человек совершит преступление, а другой нет. Вывод — поведение человека определяется социальными качествами. Спорить здесь не о чем, так как вне личностного восприятия ситуации виновного поведения действительно быть не может. Но резонно задаться и другим вопросом: разве не очевидно, что один и тот же человек в различных ситуациях поведет себя по-разному? В одном случае он не совершит преступление, а в другом, вполне возможно, совершит. Варианты поведения, как видим, меняются с изменением не личностного, а ситуативного компонента детерминации. Таким образом, можно сделать вывод, что ситуация, предшествующая преступлению, в зависимости от конкретных обстоятельств проявляется или в качестве причины, или как условие, способствующее совершению преступления.

Поскольку в конкретных жизненных ситуациях действуют преступники — носители определенных личностных качеств, условия их нравственного негативного формирования включаются в систему детерминантных компонентов криминологического механизма. Криминологическая ситуация, то есть система обстоятельств, относящихся к формированию личности преступника, предпреступной ситуации, ситуации преступления и посткриминальному поведению, рассматриваемых как единый причинно связанный процесс, всегда содержит наряду с условиями и причины конкретного преступления.